

Людмила Чернышова

Минск

Концептуализация *сна* в русской и белорусской фразеологии

Ключевые слова: фразеология, наивная картина мира, концептуализация

Природа сна с древнейших времен интересовала человека. Люди постоянно сверялись и до сих пор сверяются со своими снами, так как уверены, что через них высшие силы управляют явью. Сон является объектом исследования многих наук, однако механизм его до конца не изучен. Говоря о сновидении, невозможно не вспомнить о его символизме, о символе вообще. Существуют символы универсальные, всеобщие – прототипы. Что-то в глубине нашего подсознания заставляет одинаково их воспринимать. Однако всегда к любой концептуализации действительности примешивается культурная составляющая, которая окрашивает образы различными красками.

Уже доказано, что в языке глубоко запрятана культурная информация. Современные лингвисты считают, что функция аккумуляции культурных смыслов в языке не менее важна, чем передача информации или осуществление общения. «Язык из *monument* становится *document*. Язык – символическое руководство к пониманию культуры», – заявляет американский когнитивист Э. Сепир [Сепир 1993, 262]. Такой подход принят в новых активно развивающихся в рамках антропоцентрической парадигмы науках – когнитивной лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии. Культура и язык этноса в неразрывной связи представлены в современной лексикографии [*Славянские древности* 1995–2009, т. 1–5; *Русское культурное пространство* 2004; *Słownik stereotypów* 1996–1999, т. 1–2].

Цель статьи – исследовать и сопоставить концептуализацию сна по данным русской и белорусской фразеологии, то есть изучить, как понимает природу сна простой народ – создатель фразеологии, эксплицировать культурную информацию, которая скрыто (имплицитно) представлена в языковых единицах. По сути, это означает создание фрагмента наивной фразеологической картины мира. В статье моделируются и сопоставляются структуры русского и белорусского фразеологических концептов *сон* на материале 341 русской и 232 белорусских фразеологических единиц с компонентами *сон*, *спать*. Мы придерживаемся широкого понимания фразеологии, и потому материал извлекался не только из различных фразеологических, но и паремиологических словарей. В некоторых случаях привлекались данные мифологии и фольклора, они использовались для пояснения устойчивых выражений, их этимологии.

В исследовании мы исходим из того, что наивная картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их. Она является результатом переработки информации о среде и человеке [Апресян 1995, 64]. В языковом сознании формируется национально-субъективный образ мира, преимущественно модально-оценочный и пристрастный, но не автономный, а как составляющая часть более широкого обыденного сознания [Алефиренко 2005, 73]. Таким образом, понимание сна во фразеологии как в одном из источников экспликации наивной картины мира не всегда будет совпадать со словарным определением (концептом 1, *conceptus*). Образ сна дополняется национально-культурной коннотацией, и этот образ называют концептом 2, *conceptum* [Алефиренко 2005, 90–91], а Ежи Бартминский, польский ученый и редактор известного в мире словаря стереотипов и народных символов [*Słownik stereotypów* 1996–1999, т. 1–2], когнитивной дефиницией. Е. Бартминский определяет введенный им в научный оборот термин как «способ восприятия предмета говорящими на данном языке, т.е. о закрепленном в обществе и доступном изучению через язык и употребление языка способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках» [Бартминский 2005, 55]. При выявлении концептуализации сна по данным фразеологии мы используем методику профилирования концепта, применяемую к языковому материалу учеными Люблинской этнолингвистической школы. Сопоставление полученных данных позволит выявить сходства и различия в русском и белорусском менталитете.

Русские и белорусские толковые словари приводят одинаковые словарные дефиниции: *сон* – 1. Периодически наступающее физиологи-

ческое состояние покоя организма, во время которого полностью или частично прекращается работа сознания и ослабляется ряд физиологических процессов; 2. То, что снится, сновидение [Ожегов 1984, 664–665; *Тлумачальны слоўнік* 1983, 232]. Однако, как известно, когнитивная дефиниция гораздо шире словарного определения. Проанализировав материал, нам удалось выделить следующие семы: сон – *сакральная сила*, сон – *душа*, сон – *смерть*, сон – *явь*, последняя представлена большим количеством примеров, из нее выделились группы сон – *еда*, сон – *лень*, сон – *лекарство*, сон – *пьянство*, сон – *знание*. Перейдем к анализу нашего материала и сопоставим особенности концептуализации сна в пределах указанных сем.

1. Сон – сакральная сила

Учитывая, что и до сегодняшнего дня природа сна до конца не изучена, для живой фантазии наших предков виденное во сне было загадочным и очень важным, посланным высшими силами, Богом, кем-то, кто за нами наблюдает, подсказывает и корректирует нашу жизнь. Все это не могло не иметь прямого отношения к действительности, где так много непонятого, таинственного, исполненного высшей, священной силы. Люди признали в сновидениях то же участие божества, которое признавали в гаданиях, сновидения являлись вещателями решений богов [Минько 1971, 23]. Возникло представление о сне как об иной реальности, особом мире. В русской и белорусской фразеологии это особое царство: *Сонное царство / Соннае царства; Как во сне / Як у сне* – ‘прекрасно’ или ‘не четко’. Сон противопоставляется действительности: *Кому сон, кому явь*. Сон отрывает человека от всего земного, он теряет слух, речь, зрение, обоняние, приобщается к божеству, сливается с ним, обращается к нему, это показывают устойчивые сочетания: *Перекрестись да выпись!; Я креститься, что не спится?; Я ксціца – не спіца, я варочаца – есці хочаца*. Сакральность сна в русской и белорусской фразеологии связана с отсутствием греха, который обязательно сопровождает земную (профанную) жизнь [Чернышова 2001, 44]. Человек во время сна ничего плохого не делает, он близок к Богу и, следовательно, не грешит: *Больше спишь – не грешить; Кто спит – не грешит / Хто спіць, дык той не грашыць (не грэшыць); Спать сном праведника / Спаць сном праведніка*. В реальной действительности Бог отдаляется от человека, и здесь необходимо сознательно работать, для периода бодрствования предназначены ре-

лигиозные предписания: *Пораньше просытайся, да за бога хватайся; Спаць лажыся – богу маліся, уставай бога не забывай.* И в русском, и в белорусском материале высшая сила антропоморфна. Бог, по мнению простого крестьянина, автора фразеологии, спит, как и человек: *Чем чѣрт не шутит (когда бог спит) / Чым чорт не жартуе, калі (пакуль) бог спіць.* В то время, как он лишен возможности контролировать мир, властвует нечистая сила, она не подвержена сну, ночь – это ее время. Это ярко проявлено в белорусских устойчивых сочетаниях: *Чорт не спіць; Спакойнай ночы: спіце да паўночы, глядзіце ў паталок, каб чорт не звалок.* Однако существует другое время, вероятно, не темное, когда зло, представленное в образе лиха, тоже отдыхает: *Не чапай ліха, пакуль спіць.*

В русских фразеологизмах отражена корреляция *сон – лица духовного звания*, в которой второй член имеет негативную окраску: *Поп проспал, а свет настал; К сонному попу на исповедь не ходят* и другие, т.е. поп и сон – вещи несовместимые (человек для сна, а поп должен быть свободным от сна, ограждать темное время суток от нечистой силы). Ту же сему несут выражения: *Страшен сон, да милостив Бог; Грозен сон, да милостив Бог.* В белорусской фразеологии таких единиц нами не обнаружено.

Таким образом, представления о сне как об особом мире, связанном с сакральной силой, в целом схожи у русских и белорусов, хотя русские обращают большее внимание на религиозные предписания и на представителей религии.

2. Сон – душа

В славянской мифологии распространены взгляды на существование двойника, души, которая живет в каждом человеке и ведет самостоятельную жизнь независимо от тела [Минько 1971, 12]. Вероятно, в русском выражении *Ни сном, ни духом* (не виноват) эта информация закодирована. Однако душа становится самостоятельной только во время сна. В этот период она покидает тело, человек становится нечувствительным к событиям реальной жизни: *Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен; Свищи, душа, через нос! Спит – хоть из пушек пали; Спіць, як забіты; Спіць, як нежывы; Спіць, як дзіцятка* и многие другие. Этим объясняется опасность резко будить спящего человека, т.к. его душа не сможет найти пути назад и человек заболит, лишится памяти, рассудка или даже умрёт, дальнейшее развитие

значения – станет агрессивным и опасным: *Сонного пса не буди; Не чай лиха, пакуль яно спиць*. Таким образом, представления о сне и душе у русских и белорусов не отличаются.

3. Сон – смерть

Если сон – это временная утрата души, то смерть – это окончательный ее уход. Поэтому сон воспринимается как состояние, близкое к смерти: *Вечный сон / Заснуць вечным сном; Последний сон / Апошні сон; Мёртвый сон / Мёртвы сон*. Говорят, что *Сон смерти брат; Сонный, что мёртвый; Спит, ровно кто его мертвой рукой обвел; Спит человек – не живой; Спит, как мёртвый / Спиць, як забіты; Спиць, як нежывы*. Некоторые устойчивые единицы эксплицируют фрейм захоронения: *Так спит, что хоть клади в гроб да хорони!; Спаць у сырой зямлі* и другие. Помимо фразеологизмов с компонентами *сон, спать* встречаются фразеологические единицы с устаревшим глаголом *почить* в значении ‘спать’, среди них: *Почить в бозе / Пачыць (спачыць) у бозе*, то есть соединиться с Богом в последнем сне.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что корреляция *сон – смерть* представлена одинаковым набором значений и в русской, и в белорусской фразеологии, хотя в русской фразеологии она репрезентирована значительно большей группой фразеологических единиц, связь сна и смерти отражена отчетливее.

4. Сон – явь

Эта дихотомия отражается в самом большом количестве устойчивых выражений. И это не удивительно, так как человек постоянно сравнивал сон и реальную жизнь. Материал свидетельствует, что сон чаще воспринимается как часть бесцельно прожитой жизни: *Много спать – мало жить: что проспано, то прожито; Кто больше всех спит, тот меньше всех живет; За сном и свету не бачыць*. Часто сон ассоциируется с ленью (об этом речь пойдет позже). Белорусская фразеология связывает сон и горе, бодрствование и добро: *Гора прысыпляе, а дабро абуджае*.

Во фразеологическом материале находим постоянные корреляции *сон – явь* и *промежуточное состояние*. Сон связан с действительностью, одно зависит от другого: *Каково живется (можется), таково*

и спится; *Как постелишь, так и выспишься / Як пасцелішся, так і выпішся; Что наяву деется, то и во сне грезится; Жить в добре и в красне – хорошо и во сне; Шчасліваму і ўва сне шчасце сніцца* и другие. Выражения *Как во сне / Як у сне* указывают на промежуточное состояние между сном и явью, когда человек отрешается от действительности, углубляется в свои мысли. То же: *Забуться сном / Забыцца сном; Сквозь сон / Праз сон; Спит и видит* – ‘чего-то страстно желает’; *Спалі, як дзяўчаты на Купалле* ‘почти не спали’. Люди соотносят виденное во сне с реальностью, поэтому существуют выражения: *Вещий сон не обманет; Что наяву делают, того не боятся; а что во сне видят, того боятся; В руку сон / Сон у руку; Сон спраўдзіўся; Як сніцца дымна – то будзе дзіўна* и многие другие.

С другой стороны, правдивость снов подвергается сомнению, особенно ярко это репрезентирует русский материал: *Снам верить, так и дела не делать; За сон не ручись; Сон спраўдзіўся* (шутл.). Часто предлагается понимать сны наоборот: *Во сне счастье, наяву несчастье*.

Интересно, что сны подразделяются на мужские и женские: если мужчина что-либо увидел во сне, оно сбудется; женский сон – сказка. Оппозиция *мужское – женское*, где второй член окрашен негативно, свойственна русскому материалу. Она представлена в корреляции *муж – жена. Бабские сны* – пустые, ничего не значащие, глупые. Такие взгляды могут быть обусловлены склонностью женщин верить в различные приметы, гадания: *Девичьи сны да бабьи сказки; Не гавары пра Аўдулин сон: прачнеца – сама раскажа*, но скорее всего, тем, что авторство подобной фразеологии принадлежит мужчинам, они объединяют сон и жену в коллекцию (термин Е. Бартминьского): *Сон да баба, кабак да баня – одна забава; Жена зевать, а я спать*. Однако есть и такое устойчивое выражение, где жена принадлежит к положительному полюсу оппозиции: *Жена мелет, а муж спит* и где сон связан с семей ‘лень’. Такое положение в русской фразеологии.

В белорусском материале на первый план выступает женское как положительное материнское начало в корреляции *мать – дети: Мама і ў нядзельку з сонейкам устае, а дзеткі з сонейкам спаць кладуцца; Люлі, люлі, дзіця, спаць – адна маці, бацькоў пяць; У нашай матулькі даўно спаць*. Такие представления переносятся и на сон: сон – мать для всех людей: *чорная матка*. В русском материале тоже встречаем выражение *черная мать*, но только две единицы (кроме того *Ночь – матка, все гладко*) демонстрируют представление о сне как о матери. Однако в русской фразеологии проявлены еще две оппозиции, репрезентирующие концептуализацию сна: *старый – молодой*, где со сном

связан первый член, сон – старость. *Старый хочет спать, а молодой – играть и воля – неволя*, где сон коррелирует со свободой: *Жил на воле, спал подоле; Кто живет на воле, тот спит боле (спит до воли); Неволя, неволя – боярский двор: ходя наешься, стоя выплешься*.

Фразеология показывает, что исполнение сновидений простые крестьяне связывали с различными факторами. Так, считалось, что это зависит от дня недели: *Праздничный сон до обеда; а сон на понедельник «пустой»*, вещи сны зависят также от времени ночи (до или после полуночи): *Первый сон (спень) до полуночи; Спокойной ночи: спице да паўночы*. Есть много других примет, но фразеологический материал их не отразил. По народному мнению, сны зависят от лунных фаз, дней недели, времени, положения тела спящего, его жизни, а также от высших сил (согласно христианскому мировосприятию, от Бога и нечистой силы): если человек смеется во сне – значит, его забавляют ангелы: *Спать сном праведника / Спаць сном праведніка*; если скрежет зубами во сне – означает, что спящий борется с чертями. Видимо, этим и обусловлена амбивалентность сна: с одной стороны, он воспринимается как непререкаемый авторитет, как некое предсказание, как откровение свыше, которое не всякому доступно: *Сон правду скажет, да не всякому*, с другой, сон – обман [*Славянская мифология* 2002, 446]. Фразеология сохранила выражения, направленные на запрет исполнения несчастливых снов. Если ночью снится плохой сон, утром, чтобы освободиться от негативных последствий, положено говорить: *Куда ночь, туда и сон / Куды ноч, туды і сон; Как не станет срубленное дерево на пне, чтоб так не стал сон на правде*.

Устойчивые выражения, связывающие сон и бодрствование, описывают повседневную жизнь в рамках славянской культуры. Сон (и Смерть) считались славянами живыми мифическими существами, они антропоморфны [Грушко 1996, 338]. Сон наделен способностью к выполнению тех же действий, что и человек: *Сон не берёт, дрёма не клонит, еда на ум нейдет; Сон напал; Сон одолел; Сон не богатит; Ходит сон по сенюшкам, дрёма по новым; Покоиться в объятиях сна; Ходзіць сон ля вакон, а дрымота каля плота; Сну на яго няма и многие другие. Он мертвый, здоровый, вещий, богатырский в обоих языках. Кроме того, продолжительность сна, его крепость зависят от нравственных качеств человека, его поведения в светлое время суток: *Совесть спать не дает; Как постелишься, так и выплешься / Як пасцелішся, так і выпнішся*, социального положения, сословия, профессии: *Ловец да чернец и по ночам мало спят; Где щель, там и солдат пролезет; где свалится, там и спит; У наших казаков обычай таков: где**

просторно, тут и спать ложись; Выспацца (наспаць) як пан у брычцы; Салдацкі сон усюды салодкі, от семейного положения, где опять же русский материал демонстрирует корреляцию муж – жена, а белорусский – родители – дети: Кто хочет жениться, тому и ночь не спится; Не спится, не ложится, все про милого грустится; Одному спать – и одеяльце не тепло; Не опасайся вдову за себя взять: будешь спокойнее спать; Малыя дзеці не даюць спаць, а вялікія дзеці не даюць жыць; Да зубоў наясія, а да дзяцей наспіся; Мама і ў нядзельку з сонейкам устае, а дзеткі з сонейкам спаць кладуцца; Дочачку аддаць – ночачкі не спаць, от трудоспособности человека, его отношения к работе, собственному благосостоянию: Заботливому и сон не в сон; Полно спать: пора на тот свет запасать; Чалавек працавіты спіць уночы як забіты; Хто любіць працаваць, той не стане позна спаць.

Кроме того, в русском материале просматривается концептуализация сна как богатства, это некая сила, которая затягивает человека и не желает его отпускать: *Сон что богатство: что больше спишь, то больше хочется* (белорусское соответствие *Мілы, як сон*), также это жидкость: *Погрузиться в сон; Глубокий сон*. Это предмет, выступающий в объектной функции: *Видеть сон / Бачыць сон; Забыться сном / Забыцца сном; Сон в руку / Сон у руку*. Предметный образ подтверждают выражения *крепкий сон* и *потерять сон*. Сон – это некий локус: *Слышать сквозь сон / Праз сон; Выбіцца са сну; Пустой сон / Пусты сон*. Русская фразеология отмечает, что располагается он в глазах: *Сна нет ни в одном глазу*.

Народ создал массу сравнений на основе признака интенсивности сна. Крепкий сон: *Спать, как пшеницу (коней) продавши; як пшаніцу прадаўшы; Спит, как маковой воды напившись / Спіць, як пасля маку; Спаць як макама апоены; Спаць хоць зубы выберы; Спаць, як апошняе ўсыпаўшы; Спаць, як пасля кірмашу, о чутком, коротком сне: Спать соловьиным сном; Спаць як заяц пад мяжой; Спаць, як дзяўчаты на Купалле; Спаць на адно вока и другие.*

Компараты содержат национально-культурный компонент и указывают на особенности быта крестьян. Особенно много таких сравнений в белорусской фразеологии. Необходимость, желанность сна, стремление к той гармонии, которая его сопровождает, нашла отражение в белорусских выражениях, где сон представлен как некий эталон: *Прывык, як уночы спаць; Трэба, як заснуць; Мілы, як сон*. Сонное состояние в реальной жизни уподобляется в русском материале некоторым животным и насекомым: *Сонная тетеря; Как сонная муха; Сонный как медведь; Спит, как сурок*.

При общем сходстве в концептуализации нам кажутся интересными различия в корреляциях рус. сон – жена, бел. сон – мать, дети, наличие русской сон – воля, эталонность сна в белорусской фразеологии.

5. Сон – еда

Сон и еда ставятся в один ряд и воспринимаются как жизненная необходимость: *Сон не берёт, дрёма не клонит, еда на ум нейдет; Ни сон, ни еда на ум нейдут; Отбыло ото сна, от еды; Не еў, не спаў – і багатым не стаў; Як куснуў, дык заснуў; Хто спіць, той есці не просіць.* Во всех приведенных примерах сон и еда объединяются в коллекцию. В русской фразеологии сон попадает в категорию ‘еда’: *Вкушать сон.* Русские и белорусы отмечают его сладкий вкус: *Беспечальному сон сладок; Салдацкі сон усюды салодкі.*

Еда способствует сну. Только сытость является основой полноценного, крепкого сна: *Без ужина спать – собачья статья; Хлеб спит в человеке (сытость сон дает); Хлеб спит, а не человек (пища сон дает); Сытое брюхо спит, голодное на слуху сидит; Як арэх поўны, то поўнае вока сну; Галоднаму не спіцца, калі хлеб спіцца; Ляжаш не еўшы, устанеш не спаўшы* и другие.

Сема сон – еда коррелирует с оппозицией *богатый – бедный*. Для бедного сон – помощник: он освобождает от мыслей о житейских неурядицах, да и богатство не тяготит его, ему не нужно постоянно думать о сохранности своего имущества, о том, что его могут украсть: *Сон утешитель нужных; На бедного – и сон да еда; Голь мудрена: и без ужина спит; Без денег сон крепче; Лепей галоднаму пераспаць, як з доўгам прачнуцца; Свайго не меўшы, трэба легчы (кладзіся) спаць не еўшы* и другие. Богатый, хоть и питается лучше, спит гораздо хуже, ему не дает спать богатство: *Богатому сладко естся, да плохо спится; Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи, бедняк чего ни хлебнет, да заснет; Багачу няма сну ні ўдзень ні ўначу, а бядняк як хлябне баршчу, то спіць і ўдзень і ўначу.* Фразеологизмы, в которых не отражена корреляция сон – еда, тоже свидетельствуют, что сон богача намного короче и беспокойнее. Богач боится за свое добро: *Богатому не спится: богатый вора боится; Мамон гнетёт, так и сон неймаёт; Кто до денег охоч, тот не спит и ночь; Не спіцца багатаму ўночы; Хто грошай не мае, той спакойна спіць.* А в белорусской фразеологии сон богача еще и покой для бедняка: *Тады багач добры, як спіць;*

т.е. богатый добрым по отношению к бедному не бывает, а богатство – синоним зла (ср. *Не будзі ліха, покуль яно спіць*).

Сон связан с действительностью, с жизнью субъекта, поэтому если бедняк не имеет еды, она к нему приходит во сне: *Голодной курице просо снится; Спит сова (лиса) да видит курицу; Сытаму сала не сніцца; Не сніцца воўку пад сялом, калі авечкі бляюць*. Чтобы ее получить, надо потрудиться в реальной действительности: *Пирога ждать, не евши спать; Спадзяваўся дзед на мед, а без вады спаць лёг* и другие.

Фразеологические единицы с компонентом *сон* – ‘еда’ содержат различные житейские наблюдения: *Сладко естся, так плохо спится; Натощак не естся, позаранкам не спится; Кто пад’еўшы спаць кладзецца, у таго сала завядзецца; Да зубоў наясіся, а да дзяцей наспішся*.

В нашем материале имеется одна белорусская устойчивая единица, связывающая *сон* – *еду* с оппозицией *правда* – *ложь*. Народ с иронией говорит: *Хто хлусіць, той вып’е і закусіць, а хто праўду скажа, той так спаць ляжа*, т.е. правда сопровождается голодом, а ложь награждается едой.

Можно сделать вывод, что значения русских и белорусских фразеологизмов с компонентом *сон* практически совпадают, хотя часто представлены разными образами.

6. Сон – лень

В достаточно большой группе русских и белорусских фразеологических единиц сон коррелирует с ленью: *Сонливый да ленивый – два родные братца; Сонлив, так и ленив; Кто ленив, тот и сонлив; Лянівы і санлівы – два браткі; Цалютку ноч сон, а ўсенькі дзень лень*. В данной группе устойчивых выражений сон соотносится с потерей времени, которое могло бы быть употреблено с пользой. Русский материал чаще показывает, что сон приводит к беде, потере денег, появлению долга: *Много спать – дела не знать (добра не видать); Спал, спал, да и выпал беду; Беду – спишь, спишь, да и выплешь; Сон не богатит; Заря деньгу дает; Кто долго спит, тому денег не скопить; Спать долго – жить с долгом; Долго спать – с долгом встать* (и белорусское – *Хто доўга спіць, той доўг наспіць*), а белорусский – к недостатку хлеба и вообще еды *Хто доўга спіць, той хлеб толькі сніць; Хто доўга спіць да сонца, таму хлеб у машонца* (небольшой мешочек); *Наспаліся і наляжаліся, што ні рэпы, ні свірэ-*

ны; *Напрацаваўся – за лыжку бярыся, а гультай – без вячэры спаць кладзіся.*

В ряду белорусских фразеологизмов, несущих сему *лень*, присутствуют и такие, где учтено не только светлое и темное время суток, но и поры года: лето, когда много полевой работы, день длинный и короткая ночь. Летние месяцы одушевляются, они требуют от крестьянина усердия: *Ліпень косіць і жне, доўга спаць не дае; Ліпень не дае доўга спаць ды ляжаць, трэба касіць ды жаць.* В русском материале отражено поведение ленивого летом: он по-прежнему спит, только летом это ему делать удобнее: *Лихо ленивому до лета, а там спи да лежи (где ни лег, спи).*

Во фразеологии очень подробно описывается образ ленивого в связи с его любовью ко сну, то есть фактически безделью. Акцентируется внимание на его внешности: *Со сна распух; Апух ад сну*, состоянии: *Со сна головушку разломло*, качестве и продолжительности его работы: *Сонливого не добудишься, а ленивого не дошлешься; Санлівага не дабудзішся, лянiвага не дашлешся (не дачакаешся).* Часть русских выражений относится к женскому труду: *Девушка Гогола села прясть, да и заснула; Рано встала, да мало напряла; Была игла, да спать легла.* Ленивый все делает невпопад и не по-человечески: *Ленивый сидя спит, лежа работает; I ў працы дрэмле, і на вечарыньцы спіць* и другие. Белорусский материал отмечает желание ленивого и сонливого жить за чужой счет: *Адна звычка гультаёў усіх: рабіць чужымі бакамі, а спаць і ляжаць на сваіх*, сравнивает его поведение с поведением трудолюбивых людей: *Адзін і пры месяцы робіць, а другі і пры сонцы спіць.* Трудолюбивый крепко спит ночью и рано встает: *Чалавек працавіты спіць уночы як забіты; Хто любіць працаваць, той не стане позна спаць*, лентяй же ложится рано, а спит поздно: *З курамі спаць ідзе; Як ляжа спаць, дык забудзеца ўстаць; Гультаю сонца ў пуп упрэ, а ён усё спіць.* Такое положение дел, как ни странно, лентяя не устраивает, его раздражает поведение трудолюбивого и его успехи. Более благополучный сосед виноват в неудачах ленивого, возникает корреляция с завистью: *Сосед спать не дает: хорошо живет; Спишь до обеда, так пеняй на соседа, что рано встает да в гости не зовет; Пеняй на соседа, что спится до обеда.* В материале проявляется оппозиция *свое – чужое*. Чужое добро привлекает и спать не дает: *Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлеба спать не дают; Не дае спаць чужы грош, як вош.*

Фразеология отражает юмор народа, умение пошутить над желанием поспать и полениться: *Кто долго спит, тому бог простит; Спи*

да лежи, государь денежки пришет; а не пришет, так и нас не сыщет; Ленивого дошлешься, сонливого добудешься, а мертвого не дозовешься; Гультаю і паспаць няма калі; З раницы росна, удзень млосна, а ўночы – спаць трэба. Она выполняет директивную функцию, некоторые устойчивые сочетания – это советы, указания, как следует поступать: *Не пеняй на соседа, когда спишь до обеда; Кладучься спаць, падумай, як устаць; Сон назаўтра адлажы, а справу сягоння зрабі.*

Очевидно, что сема *сон* – *лень* представлена во фразеологии значительным количеством примеров, но, кажется, особенно актуальна она в белорусском миропонимании.

7. Сон – лекарство

Словарное определение сна в русских и белорусских толковых словарях подводит к выводу о том, что сон воспринимается двумя народами как некое лекарство для человеческого организма. Он необходим человеку для восстановления физических и духовных сил. Подобные представления нашли отражение в приветствиях, пожеланиях: *Спите-почивайте; Спокойной ночи, приятного сна / доброй ночи, прыемнага сну.* Во фразеологии это проявлено во многих устойчивых выражениях, которые указывают на отдых всех частей тела во время сна: *И рука, и нога спит; Спать (дрыгнуть) без задних ног / Спаць без задніх ног; Богатырский сон / Багатырскі сон.* Сон – это лекарство, которое не хуже, а, может, даже и лучше тех средств, которые может предложить лекарь, к тому же за него не надо платить: *Сон лучше всякого лекарства; Сон дороже лекаря; Ляг да усни, встань да будь здоров.* Сон обладает омолаживающим воздействием: *Выспишься – помолодеешь.* Он отлично лечит головную боль: *Головная боль сном проходит.* Сон – помощник в болезни, однако он «лечит» и другие напасти, беды, горе: *Ночь матка – выплещись, все гладко; Ноч – маці, а дзень – бацька; Прыйшла чорна маці, усіх паклала спаці.* Кроме того, и в русском, и в белорусском наивном сознании сон – это своеобразная помощь при пьянстве: *Коли двое говорят – пьян, ступай ложись спать! / Калі ўдвух скажуць, што п'яны, то кладзіся спаць* и другие.

В связи с корреляцией сон – лекарство следует обратиться к русским выражениям с глаголом *заспать* – ‘избавиться от чего-либо посредством сна’: *Эту беду заспать можно; Эту беду я давно заспал; Был грех, да заспан; Миром покрыт* (т.е. помазан), *с миром заспит.*

Однако сон не является противоядием против всех зол, в некоторых случаях он бессилён: *Этой беды не заспишь* (или: *не заспать, ни за-есть*); *Не всяку кручину заспать можно*.

Материал показывает, что сема *сон* – *лекарство* подробнее разработана в русском материале, показаны конкретные болезни и напасти, которые лечит сон.

8. Сон – пьянство

Как уже было отмечено, сон коррелирует с пьянством, причем эта группа устойчивых сочетаний довольно обширна и многообразна в русской фразеологии, в белорусской их значительно меньше. В русской фразеологии сон и пьянство сближаются по причине того, что в обоих этих состояниях человек не способен владеть собой, контролировать свои действия, он как бы «не в себе»: *Во хмелю да во сне человек сам себе неволен*; *Сонный да пьяный – божевольный* (не в своем уме); *Хмельной да сонный не свою душу думают*. Белорусы же связывают пьянство, в первую очередь, с нечистой силой, считалось, что именно в состоянии алкогольного опьянения люди больше всего подвержены влиянию темных сил и вступают с ней в небезопасную связь: *«Запой такая хвароба, калі чалавек, які пачне піць гарэлку, то патуль п'е, покуль саўсім ускруціцца да пачне размаўляць з чартамі ды ўсялякаю нечысцю»* [Минько 1971, 402]. Эти взгляды отразились во фразеологии, пьяный даже хуже олицетворения зла, черта: *П'янаму і чорт дарогу саступае*.

В русской фразеологии показано, что пьянство не является какой-либо серьезной проблемой. Подчеркивается, что это временное состояние: *Пьяница проспится – к делу годится*. Кроме того, это оправдывается, пьянство как бы помогает свершиться сну и потому попадает в ряд позитивных: *Кто пьет, тот и спит, а кто спит, тот не грешит*. Пьяный сравнивается с больным, мертвым, глупым и положительно характеризуется на их фоне: *Хмельной не больной: проспится; Пьяный не мертвый: когда-нибудь да проспится; Пьян проспится, а дурак никогда*. В белорусском материале мы нашли только одну подобную единицу: *П'яніца праспіцца, а дурак ніколі*.

Русский материал дает описание физического состояния пьяного, оно связано со сном и окрашено сочувствием: *С пивушка – головушка болит, с вина просыпанье тяжело*. Даются рекомендации: *Спи, да не с перепою; Коли проспался, так надо опохмелиться*. Разделяется

состояние пьянства и похмелья: *Пьяница проспится, похмельной никогда*. В белорусской фразеологии таких единиц не обнаружено, что указывает на нетерпимое отношение народа – автора фразеологии к пьянству.

Фразеологические единицы обоих языков с компонентом *сон* презентуют поведение пьяных (до сна и после него): их браваду, самоуверенность, даже наглость, и боязливость, даже трусость при отрезвлении: *Как пьян, так и капитан, а как проспится, и свиньи боится / Як п'ян, дык капітан, а як праспіцца, дык і свінні байцца; Напьется – решетом деньги меряет; а проспится – не на что решета купить; У пьяного семь коров доится, а проспится, так и переходницы нет*. Здесь нашла отражение и сословная иерархия общества: *Напьется, так и с царями дерется, а проспится, так и курицы боится / Нап'ецца, дык і з царамі б'ецца, а як праспіцца, дык і курыцы байцца; Мужик напьется – с барином дерется: проспится – свиньи боится / Як п'ян, што мне пан? А як праспяюся, (і) свінні баюся*. Русские устойчивые единицы свидетельствуют, что во хмелю человек может наговорить лишнего, лгать, после сна отказаться от сказанного и, наоборот, во сне он врет, а во хмелю кается: *Во хмелю, что хошь намелю, а проснусь отопрусь; Во сне бога молит (врет), во хмелю кается*.

Как уже указывалось в предыдущем изложении, сон предстает как универсальное лекарство при пьянстве: все недостатки, вызванные пьянством, сон истребляет: *Напьемся – подеремся, проспимся – помиримся; Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена (и спать не дает) и уже цитированные примеры: Пил ли, не пил ли, а коли двое скажут, что пьян, иди ложись спать; Один говорит – пьян, другой говорит – пьян, как третий скажет – пьян, так поди ложись спать!; Калі кажучь, што ты п'яны, то кладзіся спаць; Калі ўдвух скажучь, што п'яны, то кладзіся спаць*.

Видим, что поведение пьяного вызывает в народе негативную реакцию, но нельзя не заметить более терпимое и сочувственное русское отношение к пьянству. Фразеологизмы с корреляцией *сон – пьянство* в русской фразеологии многочисленны и семантически многообразны.

9. Сон – знание

В нашем материале мы обнаружили небольшую группу русских и белорусских фразеологических единиц, в которых сон коррелирует

со знанием. Приобретение знаний требует времени, потому: *Кто больше знает, тот меньше спит; Кто хочет много знать, тому надо мало спать / Хочаш многа знаць, трэба мала спаць*. Сон предстает в данном случае как бездействие, т.е. эта сема непосредственно связана с семой *сон – лень*. Но много знаний до добра не доведут (такое представление сохранилось и до нашего времени): *Меньше знаешь, крепче спишь / Мала ведаў, даўжэй спаў; Меней знаў – лепей спаў*. Из этого следует: *Знай меньше, а делай (а спи) больше!* Исходя из малочисленности этой группы, можно сделать вывод, что подобная позиция не была основной в мировосприятии народа – создателя фразеологии.

Выводы

Наш материал показывает, что словарное определение сна значительно уже когнитивной дефиниции. *Когнитивная дефиниция*, по данным русской и белорусской фразеологии, такова: *сон* – это момент, когда улетает душа; состояние, подобное смерти; предсказатель судьбы; лекарство при болезни, при ряде бед и горестей, при пьянстве; бесполезная трата времени, бездействие; легкое занятие и в то же время сила, которая может одолеть любое живое существо, любые обстоятельства; антропоморфное существо; неодушевленный предмет (в русском языке жидкость); еда; и, самое главное, – это особый мир, особая реальность, которая существует по своим законам. Как уже говорилось, для этого концепта характерна амбивалентность: сон может помочь увидеть будущее, это лекарство, еда, однако сон – это потеря времени, какой-то части жизни, которая уже не будет прожита, лень, смерть.

Таким образом, фасеты концепта *сон* в русской и белорусской фразеологии практически совпадают, в оппозициях же, проявленных в материале, отмечаем значительные отличия: одни представлены во фразеологии только одного языка, другие, если и представлены, различаются смысловой наполненностью. Заметим, что при общем сходстве в концептуализации обнаруживаются особенности, что указывает на некоторые различия в менталитетах. Русский язык, имеющий книжную традицию, содержит больше религиозных, связанных с православием единиц, современный белорусский, основанный на народно-разговорных традициях, обращается к повседневной жизни, здесь больше материала о труде и лени, семье, пьянстве, которое, кстати, резко осуждается по сравнению с русским достаточно терпимым отношением. Значительны расхождения в оппозиции *мужское – женское*,

где в русском материале женское ассоциируется с женой и отличается пренебрежительным отношением, в белорусском материале второй член оппозиции позитивно коннотирован, женское проявляется в образе матери.

Несмотря на большее количество фразеологических единиц с компонентом *сон* в русском языке, что часто можно объяснить качеством и количеством русского лексикографического материала (например, словарь В. И. Даля *Пословицы русского народа*, основанный на материалах, собранных в том числе на территории современной Беларуси), семантическая структура белорусского концепта объемна, фасеты совпадают с русскими, но концептуализация не идентична, фразеологические фрагменты наивной картины мира, связанные со сном, по-разному «расцвечены».

Литература

- Алефиренко Н. Ф., 2005, *Спорные проблемы семантики*, Москва.
- Апресян Ю. Д., *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, «Вопросы языкознания» 1995, № 1, с. 37–67.
- Бартми́нский Е., 2005, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва.
- Грушко Е. А. и др., 1996, *Словарь славянской мифологии*, Нижний Новгород.
- Минько Л. И., 1971, *Знахарство (Истоки, сущность, причины бытования)*, Минск.
- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь*, 2004, Москва.
- Ожегов С. И., 1984, *Словарь русского языка*, Москва.
- Сефир Э., 1993, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь*, 2002, Москва.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, 1995–2009, т. 1–5. Ред. Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Москва.
- Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, 1983, т. 5, ред. К. К. Атраховіч, Минск.
- Чернышова Л. В., 2001, *Концептуализация греха в русской фразеологии*, [в:] *Русистика и белорусистика на рубеже веков*, Могилев.
- Słownik stereotypów i symboli ludowych*, 1996–1999, т. 1–2, red. Jerzy Bartmiński, Lublin.

NIGHT DREAM CONCEPTUALIZATION IN RUSSIAN AND BELARUSSIAN
PHRASEOLOGY

S U M M A R Y

Night dream nature has been of mankind interest since ancient times. People has always checked with them, as they are convinced that the superpowers rule over their reality through night dreams. The aim of the article is to search night dream conceptualization according to Russian and Belarusian phraseology, so to examine who the night dream nature is understood by the common people, the author of the phraseology, to present explicit cultural information expressed implicitly in the language entities.

When determining night dream conceptualization according to Russian and Belarusian phraseology, we use in our article the cognitive definition method, concept profiling methodology applied to the language material by the Lublin linguistic school scientists. Russian and Belarusian glossaries give the same definitions. However, as known, cognitive definition is much wider than the dictionary one.

The material in the article is presented within several semantic groups night dream – supernatural power, night dream – soul, night dream – death, night dream – reality, the last one is expressed with the wide range of examples. The following were sorted out: night dream – food, night dream – idleness, night dream – medicine, night dream – alcohol abuse, night dream – knowledge. As a result of comparison similarities and differences in Russian and Belarusian naïve outlook were ascertained.

Людмила Чернышова e-mail: cherny0101@tut.by